

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-487-501

EDN: FQOCCJ

УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

«Семантическое расширение»: объем и содержание понятия**Т.М. Шкапенко** Балтийский федеральный университет им. И. Канта, *Калининград, Российская Федерация*✉ tshkapenko@kantiana.ru

Аннотация. Необходимость внесения ясности в понимание термина «семантическое расширение» как особого типа изменений, происходящих в значениях слов в ходе исторической эволюции языка и общества, связана с частыми случаями его некорректного использования в статьях современных российских лингвистов, описывающих процесс увеличения количества значений слова. Актуальность исследования обусловлена активизацией данных семантических процессов в современной языковой ситуации. В качестве материала использовались фундаментальные лингвистические и лексикографические труды по проблемам семантики, содержащие каноническое представление о смысле, вкладываемом учеными в данный термин. В результате применения методов анализа и синтеза, а также дефиниционного и контекстуального анализа был выявлен основной критерий, позволяющий разграничить процесс семантического расширения от других видов семантических преобразований. Обосновано, что специфика генерализации значения лексической единицы базируется на классификационных родовидовых связях. Показано, что в использовании уже существующего языкового знака, соотносящегося с одним денотатом, в качестве общего родового имени решающую роль играют экстралингвистические факторы. Диверсификация области обозначаемых объектов приводит к развитию у слова родового значения, что и квалифицируется в академических источниках как «семантическое расширение». Стремительные изменения, происходящие с начала XXI в. в окружающей действительности, увеличивающееся разнообразие артефактов, появление параллельной, виртуальной формы существования человека — все это создает объективную основу для активизации процессов семантического расширения в лексике современного русского языка. В изучении данных процессов особое место должен занять функционально-семантический анализ инновационных контекстов употребления лексических единиц в соответствии с их первичной областью референции.

Ключевые слова: генерализация, сужение значения, специализация, семантическая структура

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 12.12.2024; дата приема в печать: 10.02.2025.

Для цитирования: Шкапенко Т.М. «Семантическое расширение»: объем и содержание понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 487–501 (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-487-501>

© Шкапенко Т.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Semantic Extension”: Volume and Content of the Term

Tatiana M. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University, *Kaliningrad, Russian Federation*

✉ tshkapenko@kantiana.ru

Abstract. The need to clarify the understanding of the term “semantic expansion” as a special type of change occurring in the meanings of words during the historical evolution of language and society is associated with frequent cases of its incorrect use in articles by modern Russian linguists describing the process of increasing the number of meanings of a word. The relevance of the study is determined by the intensification of these semantic processes in the modern linguistic situation. The fundamental linguistic and lexicographic works on the problems of semantics, which contain the canonical representation of the sense invested by scientists into this term, were used as material. As a result of applying the methods of analysis and synthesis, as well as definitional and contextual analysis, the main criterion was identified that makes it possible to distinguish the process of semantic expansion from other types of semantic transformations. It is proved that the specificity of generalization of the meaning is based on the classification generic relations. It is shown that extralinguistic factors play a crucial role in the use of an existing linguistic sign that corresponds to one denotation as a common generic name. The diversification of the field of designated objects leads to the development of a generic meaning of the word, which is qualified in academic sources as a “semantic extension”. The rapid changes taking place in the surrounding reality since the beginning of the 21st century, the increasing variety of artefacts, the emergence of a parallel, virtual form of human existence — all this creates an objective basis for activating the processes of semantic extension in the vocabulary of the modern Russian language. In the study of these processes a special place should be taken by functional-semantic analysis of innovative contexts of the use of lexical units in relation to their primary area of reference.

Keywords: widening of meaning, generalization, narrowing of meaning, specialization

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 12.12.2024; accepted: 10.02.2025.

For citation: Shkapenko, T.M., (2025). «Semantic Extension»: Volume and Content of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 487–501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-487-501>

Введение

Ознакомление со множеством лингвистических работ последнего времени, посвященных анализу семантических преобразований в лексике современного русского языка, выявляет значительные расхождения в употреблении термина «расширение значения». Произвольное, не соответствующее классическим определениям в работах Г. Пауля, К. Яберга, С. Ульмана, Д.Н. Шмелева, А.Ф. Журавлева и других ученых использование термина вызывает все больше вопросов теоретико-методологического характера. Термин «расширение» используется в современных статьях в различном контекстуальном окружении: «расширение семантической структуры слова; расширение семантики слова; метонимическое расширение; метафорическое

расширение» [1–3] и др., чаще всего употребляясь в общем смысле для обозначения развития у слова многозначности или появления новых лексико-семантических вариантов. Наше «подозрение» в нетерминологичности употребления вышеприведенных вариантов находит свое эксплицитное подтверждение в работе Е.М. Кацман, констатирующей на материале анализа существительных, что «здесь имело место <...> расширение семантики (увеличение количества ЛСВ)» [4. С. 54]. Многие другие авторы также приравнивают «расширение» значения к увеличению у слова количества значений, что входит в противоречие с классическими представлениями о расширении/сужении значения слов как об особом, специфическом лингвокогнитивном процессе. Можно предположить, что сама весьма относительная терминологичность слова «расширение» провоцирует исследователей как на его узкое, собственно терминологическое употребление (все реже), так и на его использование в общем, вышеуказанном смысле. Опасность смешения двух способов употребления термина «семантическое расширение» видится нам в размывании его первоначального смысла и в интерпретации гетерогенных семантических процессов как расширения значения слова. Необходимость уточнения объема вышеуказанного понятия обусловливается тем, что с начала текущего столетия данный процесс чрезвычайно активизировался и многими специалистами в области лексической семантики причисляется к основным тенденциям развития лексики русского языка новейшего периода [5; 6].

В цели нашего исследования входит уточнение содержания термина «семантическое расширение» (далее СР) на основе выявления лежащих в его основе специфических экстралингвистических и собственно лингвистических признаков. Комплексное описание специфики СР способно послужить теоретико-методологической основой для квалификации определенных случаев семантической деривации как результата расширения значения слова и отграничить данное явление от других процессов развития семантики слова.

Материалы и методы

Поставленная цель исследования и его теоретический характер предопределили использование в работе общенаучных методов исследования, таких как анализ, синтез, классификация и обобщение, а также методов функционально-семантического, словарно-дефиниционного и контекстологического анализа. Основным материалом для исследования послужили классические труды в области лексической семантики, истории языка и языковой номинации (Г. Пауль, С. Ульман, К. Яберг, Д.Н. Шмелев, Ф.А. Журавлев и др.). Терминологическая направленность работы обусловила необходимость привлечения в качестве материала лексикографических источников научного профиля — энциклопедий и словарей лингвистических терминов (Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова; Т.В. Жеребило; Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев и др.). Сравнительно-сопоставительный анализ особенностей современного

употребления термина СР осуществлялся на основе статей российских лингвистов, опубликованных в течение двух последних десятилетий (Е.М. Кацман; Л.А. Беловольская; С.Н. Шевченко и др.).

Результаты

История выделения основных типов семантических преобразований берет свое начало с вышедшей в 1880 году (первое издание) работы выдающегося представителя младограмматического направления Г. Пауля «Принципы истории языка» [7]. К основным типам семантических изменений Г. Пауль относил: «специализацию значения вследствие сужения объема и обогащения содержания» [7. С. 106] и «диаметрально противоположную первой разновидность смысловых изменений, обеднение содержания представления, связанное с расширением объема» [7. С. 110]. В качестве примеров расширения значения ученый приводит немецкое слово *fertig* «готовый», которое, под данным этимологических словарей, означало некогда «готовый к поездке, собравшийся в путь-дорогу», а впоследствии стало обозначать «завершение подготовки любого дела». Другой пример. Глагол *gehen* первоначально означал только «ходить», а затем стал использоваться для обозначения различных типов передвижения. Заметим, что каждый из приводимых Г. Паулем примеров: «das Schiff geht «судно плывет [собств. идет]», das Muhlrاد geht «мельничное колесо вертится [собств. идет]», die Uhr geht «часы идут» [Там же] является собой, с одной стороны, свидетельство развития технического прогресса, а, с другой стороны, склонность языкового мышления к приписыванию уже вербализованной характеристики движения новым именуемым объектам. Все примеры использования глагола, относящегося ранее только к передвижению по суше живых объектов, ведут в конечном счете к расширению объема значения и одновременно к обеднению его содержания вследствие утраты иконичности, свойственной первичной форме номинации.

Обосновывая то, что в данных примерах следует вести речь именно о СР, лингвист прибегает к диахроническим фактам, подтверждающим функционирование анализируемых слов в более узком значении. В качестве достоверных источников используются этимологические сведения и примеры из различных территориальных разновидностей немецкого языка. С лингвокогнитивной точки зрения Г. Пауль делает весьма любопытное наблюдение, позволяющее разграничить процессы сужения (специализации) /расширения от случаев метафорического переноса. Комментируя различные примеры, ученый замечает: «В рассмотренных до сих пор случаях речь идет о процессах, осуществляющихся постепенно без участия сознания» [7. С. 113]. Безусловно, полностью исключить участие сознания из процесса «естественного» именованного нового денотата «старым» словом не представляется возможным, однако мысль ученого абсолютно прозрачна: в отличие от преднамеренного акта номинации в случаях метафорического переноса семантическое расширение

подразумевает относительно осознанное употребление слова для обозначения нового денотата, вписывающегося в единую «наивную» классификацию внеязыковых феноменов. Еще одно существенное замечание Г. Пауля состоит в том, что в случаях сужения значения слова могут функционировать как в первичном (широком), так и во вторичном (специализированном) значении, а затем получают статус слов с суженной семантикой. Данное замечание вполне логичным образом можно применить и к анализу процессов развития у слова расширенного значения.

Немаловажным уточнением предложенной Г. Паулем классификации явились взгляды Р. Томаса, указывающего, что термины «сужение» и «расширение» значения следует использовать только по отношению к лексическим единицам, изменившим свое значение в рамках *одного понятийного поля*, в то время как сдвиги, выводящие значение из одного понятийного поля в другое, характерны для метафоры или метонимии [8]. Его последователь, К. Яберг, вносит некоторые изменения в строгую конструкцию разделения процессов семантических изменений на основе типа парадигматических связей между первичным и вторичным значением. Случаи семантических преобразований, по его мнению, можно разделить на те, в которых новое значение «вырастает» из первоначального значения (*Bedeutungswechsel*)¹ и те, в которых новое значение как бы накладывается на первоначальное и заменяет его (*Bedeutungsuberragung*). В первую группу входят сужение и расширение, во вторую — метафора и метонимия [9].

С. Ульман, анализируя процессы семантической трансформации, указывает, что «в процессе изменения слов действуют две противоположные тенденции: одни слова стремятся расширить свое значение, другие — сузить его» [10. С. 281]. К наиболее частотным моделям расширения в английском языке ученый относит такие, как, к примеру, использование наименования молодого животного или молодого растения для обозначения всего соответствующего рода. В частности, англ. *bird* ‘птица’ происходит от др. англ. *brid* ‘птенец’, а англ. *plant* ‘растение’ от лат. *planta* ‘побег растения’. Принципиально важным для нашего анализа представляется дополнительный комментарий С. Ульмана о том, что в терминах логики «экстенционал слова увеличился, а интенционал уменьшился: оно стало приложимо к *большему числу вещей*, но говорит нам о них меньше, чем раньше» [10. С. 281].

В определенном смысле разъяснения С. Ульмана совпадают с попытками Г. Пауля выразить свою мысль о том, что более широкое значение имеет менее богатое содержательное наполнение. Действительно, когда слово вместо одного конкретного денотата начинает использоваться в качестве общего обозначения для всей онтологически единой категории денотатов, область его

¹ Вспомним приведенную выше цитату из Г. Пауля: «В рассмотренных до сих пор случаях речь идет о процессах, осуществляющихся постепенно без участия сознания» [7. С. 113].

денотации (экстенционал) разрастается, однако само обозначаемое утрачивает богатство черт конкретного денотата. Вбирая в себя абстрактные черты представителей одного класса, родовое понятие лишается присущих каждому из представителей категории семантических конкретизаторов. Обратный процесс наблюдается в том случае, когда слово лишается гиперонимического статуса и начинает обозначать только один из гипонимов в рамках единой родовидовой категории. В качестве примера сужения значения С. Ульман приводит заимствованное из французского языка английское существительное *voyage*, которое первоначально обозначало любое путешествие (*a journey*), а впоследствии стало обозначать морское путешествие (*journey by sea or water*) [11. С. 231].

Во многом схожее истолкование термина «расширение значения» предлагается в справочнике по этимологии и исторической лексикологии, истолковывающей данный процесс как «переход от видового значения к родовому, сопряженный с утратой смысловых элементов [палец ‘большой палец’ → ‘всякий палец’; товар ‘домашний скот’ → ‘скот как меновое имущество’ → ‘имущество, добро; любой меновой продукт’]. Иначе «обобщение», «обеднение значения», «генерализация значения», «увеличение семантического объема»².

Приводимые примеры в полной степени согласуются с предложенным истолкованием термина, а также демонстрируют, что более широкое значение вытесняет более узкое, в связи с чем идентификация процесса расширения значения в определенных лексических единицах под силу только специалисту в области исторического языкознания. Обыденное языковое сознание воспринимает языковой знак в его синхронном состоянии, не отдавая себе отчета в том, что слово *товар* или *палец* претерпело достаточно сложный и длительный процесс семантического преобразования.

На историчность процессов СР указывает в своем определении и словарь лингвистических терминов под редакцией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой: «Расширение значения: увеличение семантического объема слова в процессе исторического развития»³. К термину «экстенционал», использованному С. Ульманом, приравнивается термин лексической семантики — «семантический объем». Здесь же отмечается, что чаще всего в основе процесса расширения лежит «перенос названия по функции, выполняемой двумя предметами», например: «Перо (гусиное) — перо (орудие для письма чернилами). Дворник (человек, убирающий двор) — дворник (стеклоочиститель у автомобиля). Стрелять (выпускать стрелы из лука) — стрелять (производить выстрелы).

² Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

³ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985.

ср. также: белье (изделия из ткани белого цвета) — белье розовое, голубое и т.д. (т.е. вообще изделия из ткани для нижней одежды и хозяйственных надобностей). Чернила (жидкость для писания черного цвета) — чернила синие, красные и т.д. (т.е. вообще красящая жидкость, предназначенная для писания)).

В двух последних примерах (*белье* и *чернила*) исторический процесс диверсификации именуемых референтов (от белого или черного цвета к любым другим цветам) естественным образом коррелирует с процессом утраты словом его внутренней формы. То же самое относится и к глаголу *стрелять*, функционирование которого вписывается в процесс развития области его денотации от первоначальной, иконической формы «выпускать стрелы» до обозначения действий, производимых из все новых видов оружия. Как следует из данных примеров, процесс расширения значения лексем коррелирует с утратой ими внутренней формы, ведет к когнитивному диссонансу между современными денотатами и его прототипом.

Не все примеры, однако, полностью вписываются в предлагаемое словарем определение и сопровождающий его комментарий о функциональных переносах как наиболее регулярной основы расширения значения слова. Так, *перо* как ‘прибор для письма’ обладает иной функцией, нежели *перо* как ‘часть оперения птицы’. Очевидно, что до момента использования птичьих перьев в качестве инструментов для письма их функции сводились исключительно к биологическим — сохранению тепла и обеспечению летных возможностей отряда пернатых. Использование слова *перо* для обозначения писчего прибора, в сущности, являлось прямой номинацией, и только референтная удаленность «пишущих» перьев от их «сырьевого» источника — оперения птиц, способствовала развитию исторической «забывчивости» о первоисточнике номинации — перьях гусиных. Еще большей утрате связи с прототипом способствовало появление стальных перьев, словарное описание которых фиксирует окончательный распад семантической связи и определяет их статус как омонимов:

«ПЕРО 1, а, мн. перья, ьев, ср. 1. Роговое образование кожи у птиц <...>. 2. До появления стальных перьев: орудие для писания чернилами, расщеплённое и отточенное гусиное перо.

ПЕРО 2, а, мн. перья, ьев, ср. 1. Маленькая выгнутая стальная пластинка с расщеплённым концом для писания чернилами, тушью <...>. Шариковые и перьевые ручки»⁴.

В свете вышесказанного более корректной представляется квалификация хода исторического развития семантики слова «перо» как расширения значения слова только в рамках парадигмы: *перо (гусиное)* → *перо стальное* → *различные виды автоматических ручек*, в то время как первые номинации пера для письма с помощью того же слова «перо птицы» следует отнести к специализации значения, вырастающей из утилитарной функции

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Аз, 1996.

приспособленного человеком для своих интеллектуальных и коммуникативных нужд биологического сырья.

При таком подходе сохраняется единый функционал существительного *перо*, а также «вписываемость» развившихся значений в рамки единого концептуального поля. Именно в этом смысле лексема *перо* как результат расширения значения приводится А.В. Журавлевым, подчеркивающим, что «случаи так называемого функционального переноса <...> вполне адекватно описываются в терминах последовательного расширения и сужения значений, ср. перо — инструмент для письма, изготовленный из гусиного пера → перо — инструмент для письма, изготовленный из металла и закрепляемый на стержне» [12. С. 59].

Не менее противоречивым представляется пример, приведенный в словаре под редакцией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой: «дворник (человек, убирающий двор) → дворник (стеклоочиститель у автомобиля)». В этом случае перенос значения, вне всякого сомнения, осуществляется на основе функционального сходства, однако не вписывается в границы единого понятийного поля и не способствует развитию у существительного *дворник* общего родового значения, как это имело место в случае со словами *белье* или *чернила*. С высокой долей вероятности можно предположить, что антропоморфная метафора, в основе которой лежит перенос с человека на предмет, уже сама по себе является когнитивным препятствием для возникновения значений, способных выступать в роли родового понятия. В случае «дворник 1 → дворник 2» не происходит и констатируемого большинством лингвистов обеднения значения, характерного для СР. Напротив, существительное *дворник* (прибор) представляется более богатым по своим денотативным признакам, нежели его семантическое производящее, именуемое лицо по его профессиональной принадлежности.

В словаре Т.В. Жеребило «семантическое расширение» рассматривается как «увеличение объема обозначаемого понятия, т.е. количества называемых предметов и явлений, в результате чего возникает новое значение слова»⁵. Отметим, что это, пожалуй, единственное определение СР, в котором разъясняется, что следует понимать под объемом обозначаемого понятия. Однако далеко не все ученые соглашались с такой трактовкой и предлагают различные интерпретации понятия «семантического объема».

Так, Л.А. Беловольская, апеллируя к репрезентации семантической структуры языкового знака, включающей в себя, согласно И.М. Кобозевой «по меньшей мере четыре типа сущностей: категории действительного мира; мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; прагматические факторы, то есть то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности; отношения между знаками — единицами языковой системы» [13. С. 43] делает вполне обоснованный вывод

⁵ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. С. 300.

о том, что «семантический объем любого слова, функционирующего в языке, определяется соотношением названных типов информации» [14. С. 84]. Другие лингвисты приравнивают «семантический объем» к количеству сем в значении слова [15] или к количеству выявленных значений [16].

Предложенное в словаре Т.В. Жеребило описание «увеличение объема обозначаемого понятия» как увеличения «количества называемых предметов и явлений» вполне соответствует определениям классической лингвистики и приводимым выше примерам в других словарях (чернила — от черных «чернил» до чернил любого цвета, перо — от гусиного до стального и т.п.). В то же время собственная словарная иллюстрация данного процесса с помощью глагола *плени́ть*: «Глагол плени́ти — «взять в плен» (др.- рус.); плени́ть — 1) «взять в плен» и 2) «очаровать» (совр. рус. яз.)» вряд ли в полной мере отвечает предложенному определению. Переносное значение «любви неволи» не вписывается в рамки единого концептуального поля со значением плена физического. Кроме того, глагол «плени́ть/плени́ть» снабжается в современных словарях пометой «устаревшее»:

«1. *устар.* Брать в плен // Покорять, завоевывать (какие-л. земли, страны). <...>3. *перен.* Подчинять чьи-л. чувства, мысли и т. п. своей власти, своему влиянию // Привлекать к себе, восхищать, очаровывать»⁶.

Более четкую, лишенную разночтений, как это имеет место в случае использования термина «семантический объем», концепцию теоретического описания СР предлагает А.Ф. Журавлев, выделяющий вслед за Д.Н. Шмелевым [17] в рамках семантической деривации парадигматически и синтагматически обусловленные изменения. Приведем целостный фрагмент из работы ученого, поскольку в нем не только изложены основы парадигматико-синтагматического подхода к описанию лексико-семантических процессов, но и приведены все терминологемы, используемые в качестве синонимических к грешащим недостаточной терминологичностью определениям «расширение» и «сужение». «Парадигматически обусловленные изменения значений слов базируются на двоякого рода связях — существующих как, во-первых, между членами одной и той же лексико-семантической парадигмы, так и, во-вторых, между членами разных парадигм. Первый из этих типов изменений включает в себя расширение значения («обеднение», «обобщение», «генерализация значения», «увеличение семантического объема»), сужение значения («обогащение», «специализация», «конкретизация значения», «уменьшение семантического объема») и семантический сдвиг («смещение»), второй — метафорой.

Взаимно противоположно направленные процессы расширения и сужения значений слов опираются на подчинительные, «вертикальные» связи в системе семантических отношений «род — вид», а сдвиг <...> строится

⁶ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз.

на соподчинительных, «горизонтальных» связях, т.е. на отношениях «вид — вид» в пределах одного родового понятия» [12. С. 55–56]. Ученый разрабатывает основанные на компонентном анализе модели расширения и сужения значения в виде следующих формул:

«Парадигматически обусловленные изменения значений:

- сужение значения: $N 'A' \rightarrow N 'Ab'$
- расширение значения: $N 'Ab' \rightarrow N 'A'$
- метафора: $N 'Ac' \rightarrow N 'Bc'$ [12. С. 68],

где N — лексема, A, B — архисема или цельное значение; a, b, c — дифференциальная или коннотативная сема.

Предложенные схематические изображения наглядным образом иллюстрируют справедливость тезиса об обогащении значения в случае его сужения за счет прибавления дифференциальных сем и о его обеднении в случае расширения значения за счет элиминации дифференциальных сем. Заметим, что слово, становящееся в процессе эволюции родовым обозначением, получает весьма точную характеристику как «беспризнакового значения», или «беспризнакового члена парадигматического ряда» [17. С. 111].

В качестве примеров СР, кроме уже цитируемых выше *палец* и *товар*, в работе А.Ф. Журавлева приводятся глагол «идти ‘передвигаться с помощью ног’ → ‘передвигаться вообще’ (поезд идет, лед идет)», а также существительное «локомотив ‘паровоз’ → ‘машина любого вида тяги — паровоз, электровоз, тепловоз и т.п.». Как видим, во всех приведенных выше примерах расширение значения происходило в результате последовательного употребления одного и того же языкового знака по отношению ко все большему количеству однородных денотатов. Экстралингвистическим условием для протекания процесса расширения значения слова в большинстве случаев становилось появление разновидностей одного и того же феномена, уже получившего ранее свое языковое обозначение. Как справедливо указывает С.В. Кезина, «расширение семантического объема слова осуществлялось, в частности, в результате дифференциации мира и соответствующих его фрагментов и предметов. Выделенные в процессе дифференциации семы связывались с предшествующими классификационными связями» [19. С. 39].

Новое значение, действительно, словно выросло в соответствии с метафорой, использованной ранее К. Ябергом, из предыдущего, подобно библейскому Мафусаилу, древнему главе рода, заключающему в свои объятия младое поколение. В данных случаях нельзя говорить о наличии преднамеренных усилий номинаторов: техника использования наименования для обозначения нового денотата основывалась на спонтанном использовании уже существующего языкового знака по принципу его включения в денотативную линейку однородных объектов, его вербальной «прописки» в уже обозначенной ранее словом общей логико-понятийной категории. Межпарадигматические переносы, имеющие место в случае метафорических употреблений, предполагают

обязательное когнитивное усилие номинатора, субъективным образом использующего языковой знак, именуемый денотат в рамках одного концептуального поля, для номинации денотата, принадлежащего иному концептуальному полю. Именно по этим причинам обыденный носитель языка практически не замечает происходящих семантических сдвигов в направлении генерализации обозначаемого понятия. «Все эти значения, — как подчеркивает В.В. Макаров, — не выводимы одно из другого, они в равной мере могут быть объяснены как параллельные результаты специализации одного и того же гиперонимического единства» [20. С. 379].

Обращает на себя внимание, что в качестве примеров, иллюстрирующих процесс СР, всеми авторами чаще всего приводятся существительные и реже глаголы, причем у Г. Пауля и у А.Ф. Журавлева — только глаголы движения. В случае существительных механизм расширения основывается на увеличении количества денотатов, входящих (вписываемых языковым сознанием) в единую онтологическую категорию со словом, имеющим первоначально лишь один конкретный денотат. В случае глаголов речь идет либо об увеличении числа актантов, как это имеет место в развитии значения глагола *стрелять*, либо о диверсификации субъектов совершаемого действия, как это имеет место в случае глагола *ходить* (о часах, корабле, поезде и т.п.). Примечательно, что ни один источник не иллюстрирует процесс СР с помощью имен прилагательных, что можно объяснить их неденотативным характером. Как указывает М.В. Сандакова, «прилагательное не имеет собственной области предметной отнесенности, т.е. не имеет ни денотации, ни конкретной референции. Сферу их применения образует весь круг денотатов, обладающих соответствующим (обозначенным через прилагательное) признаком» [21. С. 205]. То есть, с одной стороны, употребление прилагательных подчинено онтологическому диктату обозначаемых предметов, с другой стороны, их субъективному видению человеком мира во множестве ассоциативных связей, выводящих обозначаемое за пределы единого концептуального поля, что не соответствует основополагающему критерию СР. Таким образом, отсутствие примеров прилагательных в качестве иллюстраций СР есть не что иное как свидетельство «неосознанного осознания» неприменимости термина к данной части речи.

В целом, анализ примеров, иллюстрирующих явление СР, производит впечатление некой завершенности данного процесса, когда только на основе этимологических сведений или других исторических свидетельств ученые выявляют факты перехода слова из видового обозначения в родовое понятие. Однако с конца 90-х гг. многие лингвисты, изучающие семантические преобразования в русском языке новейшего периода, указывают на активизацию данного процесса. Данные наблюдения в полной мере соотносятся с выявленной нами решающей ролью экстралингвистических факторов в процессе расширения значения слов. Характерная для современной эпохи стремительная диверсификация форм существования человека, производимых им продуктов

и артефактов естественным образом провоцируют «бум» семантического расширения. Наибольшее воздействие на процесс генерализации значений за счет онтологического расщепления ранее, казалось бы, неделимых понятий и феноменов оказывает, безусловно, развитие цифровых технологий, так называемое «удвоение мира» [22]. В результате «реальность» получает форму «виртуальной», «дополненной», и, наконец, «реальной реальности»; интеллект все больше тяготеет к обозначению технических средств, отнимающих у человека право на исключительное пользование разумом, вследствие чего наблюдается онтологически обусловленное расширение значения прилагательных *умный/смарт* [23], то есть признаковая лексика оказывается также вовлеченной в процессы семантического расширения. Сама жизнь, получив альтернативную форму существования в виртуальной реальности, потребовала номинативного уточнения в целях ее дифференциации от недавно развившейся и вступившей в острую конкуренцию с ней он-лайн формы бытия [24].

Интенсивное протекание процессов мультипликации и диверсификации форм существования современного человека и производимых им продуктов находит свое отражение в процессе расширения значения все большего количества слов. Диагностирование примеров СР уже не требует от лингвиста этимологических изысканий, выдвигая на первое место метод лингвистического наблюдения и функционально-семантического анализа «инновационных контекстов употребления слов» [25]. На ускорение процесса приобретения словом родового значения влияет также технологическое расширение медиапространства и интенсификация обмена информацией, в результате чего множество окказиональных употреблений слова дает мгновенный эффект его узуализации.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что СР — это особый процесс изменения значения слова, не равный развитию у него многозначности или появлению новых лексико-семантических вариантов. Напротив, в конечной точке своей эволюции лексемы, подвергшиеся СР, в большинстве своем остаются однозначными, именуемыми ряд однородных денотатов. С лингвокогнитивной точки зрения процесс расширения значения представляет собой результат неосознанных классификационных операций по использованию уже существующего языкового знака для обозначения новых реалий на основе их естественной принадлежности к единой онтологической категории. Основным критерием, позволяющим дифференцировать СР от других видов семантических преобразований, в первую очередь от метафорических переносов, является установление парадигматических границ семантического деривата. Последовательные изменения в рамках единой концептуальной парадигмы, от видового значения к родовому, являет собой свидетельство СР, в то время как выход слова из одного концептуального поля в другое — свидетельство метафорического или метонимического переноса. Значимость выполненного исследования видится

нам в возможности использования его результатов с целью более точного, осознанного и корректного употребления данного термина в работах современных лингвистов. Изучение протекающих на наших глазах процессов расширения значения лексических единиц в русском языке новейшего периода способно выявить специфику данного процесса в сопоставлении с более ранними историческими периодами развития у слова родового значения.

Библиографический список

1. Москалева М.В. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. № 33. С. 180–184. EDN: KWTFSS
2. Шевченко С.Н. Метонимическое расширение семантики лексем полезных ископаемых в русском и английском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 16(755). С. 93–104. EDN: UQEUGS
3. Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А. Метафорические эпитеты и их стилистические функции // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 2. С. 22–35. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090203> EDN: PHQWVV
4. Кацман Е.М. О семантических трансформациях русских существительных в языке коммерции и рекламы // Научный диалог. 2017. № 2. С. 44–56. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-44-56> EDN: XYGEEN
5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003.
6. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 32–67.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960.
8. Thomas R. Über die Möglichkeiten des Bedeutungswechsels I und II // Blätter für das Gymnasialschulwesen. Fortsetz, 1894. Bd. XXX. P. 705–732; 1896. Bd. XXXII. P. 1–27.
9. Jaberg K. Pejorative Bedeutungsentwicklung im Französischen // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1901. XXV. P. 561–601.
10. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1970. Вып. V. С. 250–299.
11. Ullman St. Semantics. An introduction to the science of meaning. Oxford : Blackwell, 1977.
12. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М. : Наука, 1982. С. 45–109.
13. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Едиториал УРСС, 2000.
14. Беловольская Л.А. Семантический объем лексем страх — страшно в пространстве русского языка // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 83–85. EDN: HQLNKR
15. Амелина Л.В. Семантический объем лексических значений орнитонимов в русском и немецком языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 120–123. EDN: MUERQF
16. Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Семантический объем прилагательного friendly в современном английском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 134–152. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/7> EDN: QORBQI
17. Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. М., 2008. С. 64–81. EDN: MWMQDJ
18. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973.

19. Кезина С.В. Принципы развития и организации семантической структуры слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 5(11). С. 37–43. EDN: KVRQJB
20. Макаров В.В. О роли гиперонимии в лексико-семантических изменениях // Язык и действительность : сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 37–382.
21. Сандакова М.В. Прилагательное в атрибутивном словосочетании // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. (Гуманитарные науки). № 4. С. 202–207. EDN: MWEXHN
22. Маринова Е.В. Реальность как технология, или онтологическая лексика в современных процессах номинации // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 226–244. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244> EDN: BNETWP
23. Козловская Н.В., Павлова А.С. Смарт-/smart- vs умный в тексте и словаре // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1(6). С. 8–21. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-8-21](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-8-21) EDN: ATBUYU
24. Шкапенко Т.М., Милявская Н.Б. Есть ли жизнь офлайн, или о проблемах номинации неvirtуальной действительности // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 3–8. <https://doi.org/10.20339/PhS.3-22.003> EDN: RYQSYI
25. Шкапенко Т.М., Ваулина С.С. Роль контекста в процессе семантических преобразований лексической единицы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 6. С. 158–169. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14> EDN: WZWOVN

References

1. Moskaleva, M.V. (2007). Extension of Word Meaning as one of the Main Semantic Processes (on the Example of Nouns). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 12(33), 180–184. (In Russ.). EDN: KWTF SF
2. Shevchenko, S.N. (2016). Metonymic Extension of Natural Resources Terms in the Russian and English Languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, (16), 93–105. (In Russ.).
3. Murashkina, O.V., Dedova, O.M., & Kornev, V.A. (2022). Metaphorical Epithets and their Stylistic Functions. *Language and Text*, 9(2), 22–35. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090203> (In Russ.). EDN: PHQWVV
4. Katsman, E.M. (2017). On Semantic Transformations of Russian Nouns in Language of Commerce and Advertising. *Nauchnyi dialog*, (2), 44–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-44-56>
5. Valgina, N.S. (2003). *Active Processes in the Modern Russian language*. Moscow: Logos. (In Russ.).
6. Ermakova, O.P. (2000). Semantic Processes in the Lexicon. In: *The Russian language of the late XX century (1985–1995)*. (pp. 32–67). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
7. Paul, G. (1960). *Principles of Language History*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russ.).
8. Thomas R. (1894; 1896). Über die Möglichkeiten des Bedeutungswechsels I und II. *Blätter für das Gymnasialschulwesen*. Fortsetzg, 1894. Bd. XXX. С. 705–732; 1896. Bd. XXXII. С. 1–27.
9. Jaberg K. (1901). Pejorative Bedeutungsentwicklung im Französischen. *Zeitschrift für Romanische Philologie*. 1901, XXV, 561–601.
10. Ullman, St. (1970). Semantic universals. In: *New in foreign linguistics* (pp. 250–299). Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Ullman, St. (1977). *Semantics. An introduction to the science of meaning*. Oxford: Blackwell.
12. Zhuravlev, A.F. (1982). Technical possibilities of the Russian language in the field of subject nomination. In: *Ways of nomination in the modern Russian language* (pp. 45–109). Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Kobozeva, I.M. (2000). *Linguistic Semantics*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

14. Belovol'skaya, L.A. (2005). Semantic Volume of Lexemes “Starch-Strashno” in the Space of the Russian Language. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, (1), 83–85. (In Russ.). EDN: HQLNKR
15. Amelina, L.V. (2010). Semantic Scope of Ornithonyms in Russian and German Languages. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 120–123. (In Russ.). EDN: MUERQF
16. Ryzhkova, T.S., & Zaikova, I.V. (2021). The Semantic Scope of the Adjective *Friendly* in Modern English. *Tomsk State University Journal of Philology*, (72), 134–152. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/7> (In Russ.). EDN: QORBQI
17. Belyaevskaya, E.G. (2006). Semantics in the Three Paradigms of Linguistic Knowledge (Criteria for the Choice of Method). In: *Paradigms Of Scientific Knowledge in Modern Linguistics: Collection of Scientific Papers RAN INION* (pp. 67–85). Moscow. (In Russ.). EDN: MWMQDJ
18. Shmelev, D.N. (1973). *Problems of Semantic Analysis of Lexicon (on the Material of Russian Language)*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
19. Kezina, S.V. (2005). Principles of the Development and Organization of the Word Semantic Structure. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 5(11), 37–43. (In Russ.). EDN: KVRQJB
20. Makarov, V.V. (2007). On the Role of Hyperonymy in Lexico-Semantic Changes. In: *Language and Reality : a Collection of Scientific Papers in Memory of V.G. Gak* (pp. 376–382). Moscow: LENAND. (In Russ.).
21. Sandakova, M.V. (2010). Adjective in an Attributive Word Combination. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (4), 202–207. (In Russ.). EDN: MWEXHN
22. Marinova, E.V. (2024). Reality as Technology, or Ontological Lexicon in Modern Processes Nomination. *Nauchnyi dialog*, 13(2), 226–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244> EDN: BNETWP
23. Kozlovskaya, N.V., & Pavlova, A.S. (2023). The Compound Constituent *Smart-* vs the New Sense of the Adjective *Umnyj* in the Modern Russian Language Observed as Elements of Text and Dictionary. *Verba. Northwest Linguistic Journal*, 1(6), 8–21. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-8-21](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-8-21) EDN: ATBUY Y
24. Shkapenko, T.M., & Milyavskaya, N.B. (2022). Is There Any Life Offline, or on the Problems of Nomination Non-Virtual Reality. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, (3), 3–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.3-22.003> EDN: RYQSYI
25. Shkapenko, T.M., & Vaulina, S.S. (2021). The Role of Context in the Process of Semantic Transformations of a Lexical Unit. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(6), 158–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14> EDN: WZWOVN

Сведения об авторе:

Шкапенко Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236001, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Невского, д. 14); сфера научных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика, ономастика; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru ORCID: 0000-0002-6892-4205, SPIN-код: 2831-5268, AuthorID: 482464.

Information about the author:

Tatiana M. Shkapenko, Dr.Sc., Associate Professor, Professor of the Institute for the Humanities, I. Kant Baltic Federal University (14 Nevsky st., Kaliningrad, Russian Federation, 236041); Research interests: linguistics of globalization, lexical semantics, onomastics; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru ORCID: 0000-0002-6892-4205, SPIN-code: 2831-5268, AuthorID: 482464.